

Романы для девочек

Вера и Марина ВОРОБЕЙ

Экзамен любви

Романы для девочек

Вера и Марина Воробей

Экзамен любви

«РОСМЭН»

Воробей В.

Экзамен любви / В. Воробей — «Росмэн», — (Романы для девочек)

Борька Шустов и Варя Дробышева уже строили планы на лето, когда в Москве неожиданно появилась Лена Серова. Борька оказался в сложной ситуации: с одной стороны, он все время уверял Варю, что давно разлюбил Лену, а с другой – побежал на свидание к бывшей подружке, стоило той поманить его. Какой же выбор сделает Шустов?

Содержание

1	5
2	9
3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Вера и Марина Воробей

Экзамен любви

1

- Пошли. – Боря потянул Варю за руку, вытаскивая из-за кухонного стола.
- Куда?
- Я покажу тебе свою любимую комнату!
- Да видела я ее уже тысячу раз, – рассмеялась Варя, шутливо упираясь.
- Нет, не видела, – замотал Борька вихрастой головой. – Я вчера там все переделал.
- С чего это вдруг?

– Сам не знаю. Ну как? – поинтересовался Боря, едва они оказались в его комнате, и горделиво сверкнул карими глазами из-под длинной челки, вечно свисающей на лоб.

У него всегда была такая чуть небрежная прическа, еще с пятого класса. И хотя Боря тогда едва замечал Варю, впрочем, как и все остальные ребята, она отлично помнит все, что было связано с ним. Вот такая странная штука – эта память: хранит в своих тайниках вещи, о которых и не подозреваешь до поры до времени, а в нужный момент берет и выплескивает их на поверхность. Иногда это хорошо, а иногда плохо. Но тут уж ничего не поделаешь, потому что ты над этим не властен.

Размышляя о свойствах памяти, Варя понятия не имела, что ее в общем-то незатейливые мысли станут ключом к нашей истории...

Варя огляделась. Борова комната действительно стала уютнее, но не за счет каких-то кардинальных перемен. Просто он передвинул диван к окну, развернув компьютерный стол вдоль другой стены, свой домашний кинотеатр и музыкальный центр поставил прямо напротив дивана, чтобы было удобнее смотреть лежа. Но была одна существенная деталь – с французских однотонных обоев теплого апельсинового оттенка исчезли многочисленные плакаты разных рок-групп и полуобнаженных голливудских кинодив. Остался только один диск для метания дротиков – Борова молодецкая забава.

– Мне нравится, – поделилась Варя своими впечатлениями от перестановки. – Так света стало больше. А то стол у окна все загораживал. Теперь к нему подойти можно. Ну а постеры-то зачем убрал? – спросила она с усмешкой.

– А, надоело! – бросил Боря.

То, что соблазнительные девицы типа Памелы Андерсон и Бритни Спирс пропали со стен, новость, конечно, замечательная: не очень-то приятно внешне неприметной девчонке находиться в таком окружении. «Что-то последнее время Боря часто стал повторять это „надоело“, – подумала Варя. – Ну ладно, надоело учиться. Я тоже с трудом дотянула до окончания десятого класса. Остался, как говорится, финишный рывок. Но сейчас-то на дворе июнь, солнышко светит, родители на психику не дают. Одним словом, живи и радуйся».

– Варь, иди ко мне, – позвал ее Боря, похлопав по дивану рукой.

Диван назывался смешно: «клик-клак», потому что у него поднимались боковинки, и тогда он приобретал форму полураскрывшейся раковины. Но сейчас диван был полностью разложен и застелен синим меховым покрывалом. На нем полулежа Боря и устроился.

Не ожидая подвоха, Варя приблизилась. В ту же секунду Боря обхватил пальцами ее запястье, потянул на себя, и девушка буквально повалилась на него. Варе даже пришлось ухватиться за его рубашку, чтобы не упасть.

– Пусти, дурачок!

– Ай-ай-ай, как невежливо! Когда просят, говорят «пожалуйста». – Боря крепко обнял Варю, словно взял в плен. – Ну, будь вежливой девочкой, скажи: «Боренька, миленький, отпусти». Тогда, может быть, и отпущу!

– Еще чего! И так справлюсь! – рассмеялась Варя и уже собралась пустить в ход практически безотказный прием – щекотку, но тут увидела выражение Борькиных карих глаз с желтыми крапинками, и ее смех мгновенно оборвался.

Казалось, они были затуманены, но вместе с тем в них горели искорки желания. А затем его губы медленно, будто в замедленной съемке, приблизились к ее губам. И Варя почувствовала, как ее захлестывает неподдельное счастье. Точно такое же ощущение она испытала, когда Боря впервые поцеловал ее. Это случилось осенью. На улице было холодно, но губы ее горели. Дыхание их смешалось, и два сердца слились в одно, забившись в едином порыве. В голове у Вари все поплыло, в какое-то мгновение она даже испугалась, что ослепла. Она смотрела широко открытыми глазами и не видела ничего, кроме мерцающих кружащихся точек. Поцелуй и сейчас вскружил ей голову, но не настолько, чтобы не заметить, как Борова рука самовольно пробралась под футболку и стала подниматься вверх.

– Эй, эй, что это мы делаем? – завокнулась Варя.

– Не бойся, – прошептал Боря ей в губы. – Мать не войдет, я своих натренировал.

Варя хотела сказать, что дело вовсе не в этом (нет, и в этом, конечно, тоже), и собралась всерьез остановить Бору, но тут открылась дверь и раздался голос Людмилы Романовны:

– Борик, ты не видел мою... Ох, простите, ребятки!

– Мам... – укоризненно протянул Боря, оглядываясь на дверь, и его хватка мгновенно ослабла.

Варя тут же воспользовалась моментом, освободила свои руки и поспешно поднялась с дивана. Она изо всех сил старалась не смотреть на Людмилу Романовну, чувствуя, как ее лицо заливают густая, горячая краска стыда. Нужно же было такому случиться! Что теперь о ней Борова мама подумает? Но как ни странно, так же неловко чувствовала себя и Людмила Романовна, судя по ее смущенному голосу.

– Борик, извини. Я не хотела вам мешать. Как-то так по инерции...

– Да ладно, все нормально, мам, – прервал ее Боря. – Проехали.

Людмила Романовна, посчитав, что ее извинения приняты, быстренько прикрыла за собой дверь.

– Ну, спасибо, мамочка, – проворчал Боря уже для себя.

Он потер губы ладонью, так обычно делают тогда, когда пытаются решить какую-нибудь проблему или скрыть досаду, и спустил ноги с дивана. И только теперь Варя преодолела смущение и встретила с ним глазами.

– Ну и влипли, – сконфуженно проговорила она, нервно одергивая короткую футболку.

– Перестань, – небрежно отмахнулся Боря, – они не маленькие, мы – тоже.

– Ну, если бы мы просто целовались, – неуверенно проговорила Варя.

– А мы чем занимались? Расслабься, Варь. – Боря переместился в компьютерное кресло поближе к ней, взял ее за руку, стал перебирать тонкие пальцы. Это действовало на Варю успокаивающе, как и его слова, пусть и произнесенные с едва различимой иронией: – Ты же знаешь, мать тебя просто обожает.

– Неужели? – зарделась Варя, на этот раз от удовольствия.

Любой девчонке приятно знать, что ты нравишься родителям парня, с которым встречаешься почти год.

– Конечно. А то ты сама этого не замечаешь? – игриво подколот Боря.

– И все равно неудобно.

– Забей, я сказал.

Варя поняла, что тема исчерпана. В этом был весь Боря. В нем непостижимым образом уживались легкомыслие и серьезность. Сам того не ведая, он придерживался восточной философии: к мелочам относиться основательно, а к глобальным вещам – легко. Он состоял из поступков: поступков неоднозначных, поступков везде и во всем. В прошлом году он, например, создал в школе общество женоненавистников и устроил настоящее светопреставление – то из рюкзаков девчонок разбегались тараканы, то по его команде посреди урока из глобуса доносился гомерический смех. А осенью он спас пятилетнюю девочку из огня. И сам оказался в больнице с переломом ноги. Хорошо, что все обошлось без осложнений. И в смысле его здоровья, и в смысле их отношений. Ведь именно в тот момент между ней и Борей почти все кончилось, едва успев начаться.

Боря тогда просил дать ему второй шанс, говорил, что он все осознал и теперь между ними все будет иначе, но Варя сомневалась, что из этого что-то выйдет. Так уж все оборачивалось против них. Но когда Варя узнала от Юльки Туполевой, что Боря попал в больницу, и представила себе всего лишь на миг, что больше никогда не увидит его живым, все ее сомнения и обиды моментально исчезли. Она отлично помнит, что подумала, увидев Борю в бинтах и гипсе на больничной койке. Она тогда подумала: «Пусть он пока еще не любит меня, но я ему нужна, а это уже немало...» А Шустов, едва освоившись с ее внезапным появлением в палате, заявил, что героям полагается награда. И когда Варя спросила: «Какая?» – он ответил: «Поцелуй». Она решила подарить Боре утешительный поцелуй в щеку, но герой не растерялся и поддержал инициативу, ответив крепким поцелуем в губы. Так они помирились. И все у них наладилось. Даже Даша, которая очень переживала за нее, это заметила.

– Похоже, на этот раз у вас все серьезно, – сказала она месяц спустя.

– У меня хорошее предчувствие, но я помолчу, боюсь сглазить, – отозвалась Варя.

– А он знает, что ты его любишь? Ну, ты ему в этом призналась?

– Нет, я ему об этом не говорила.

– Вот и не говори, – убедительным тоном бросила подруга. – Я в одной статье прочитала, что если девчонка влюбилась, то она не должна признаваться парню первой.

– Почему?

– Во избежание непредвиденных обстоятельств, – туманно отозвалась Дашка.

В ту минуту Варя в душе посмеялась над Дашкиными словами. Во-первых, что это еще за «непредвиденные обстоятельства»? А во-вторых, и невооруженным глазом было видно, как она относится к Боре. Вообще-то Варя думала так же, как и Даша: первым о своих чувствах должен говорить парень. И конечно же, ей хотелось услышать от Бори эти три заветных слова. Она даже загадала на Новый год желание, но, видно, не все желания исполняются сразу.

– Эй, воробушек, даю доллар за твои мысли. – Голос Бори прервал Варины воспоминания.

«Воробышек». Иногда он так ее называл. Варя улыбнулась.

– Мои мысли стоят дороже. Нет, они вообще бесценны, но кое-что не мешало бы обсудить прямо сейчас, – сказала Варя, решив, что сейчас самый подходящий момент для этого разговора.

– У тебя ведь в пятницу день рождения, если мне память не изменяет?

– Да, шестнадцать стукнет. Совсем большой мальчик, – усмехнулся Боря.

– Есть идеи?

– Никаких.

– Это грустно, – заметила Варя.

– Смотря с какой стороны посмотреть. – Боря крутанулся на стуле. – Присоединяйся ко мне. Будем бездельничать вместе.

– Заманчивое предложение. Я подумаю.

А ведь и правда заманчивое. Они могли бы взять какой-нибудь старый фильм в прокате, «Касабланку», например, или «Римские каникулы», и посмотреть его вместе. Боря хоть и не признавался, но тоже классику уважал и к ее романтическим наклонностям относился теперь совсем иначе. Пусть и посмеивался над ее сентиментальностью, но всегда подставлял свое плечо, в которое она благодарно всхлипывала в самые чувствительные моменты, а еще он успокаивал ее всякими нежными словами вроде: «Ну что ты, глупенькая, ты же знаешь, что все закончится хорошо. Это же Голливуд», – и высушивал слезы своими поцелуями, легкими и невесомыми, как перышки. Это было замечательно. Только вот Варе хотелось сотворить нечто особенное, чтобы этот день рождения надолго запомнился Боре, а он, как нарочно, уперся. Хандрит уже целую неделю.

Боря словно услышал Варины мысли.

– Мать тоже ко мне с этим юбилеем пристаёт, – признался он, сощутив глаза.

– Я не пристаю, я напоминаю, – мягко возмутилась Варя.

– Ну конечно. – Боря чуть наклонил голову, извиняясь. – Но, знаешь, честно говоря, не люблю я эту суматоху. «Хэппи бёздэй» там всякие с шестнадцатью свечками. Фигня все это на постном масле.

– А по-моему, дело не в этом, – как всегда прямо заявила Варя.

Она знала, что Боря компанейские вечеринки любил. Он же первый заводила в классе.

– А в чем?

– Вот ты и скажи мне. В чем?

– Глупости, – передернул плечами Боря. – Если тебе так хочется, пожалуйста, решай: где будем отмечать, когда и с кем.

– Я?

– Угу. Отдаю себя в твои руки.

– Осторожно, я ведь могу этим воспользоваться, – звонко рассмеялась Варя.

И вдруг ей пришло в голову, что именно так она и поступит. Возьмет все в свои руки. И если у нее все получится, то Борю в эту пятницу ждет большой сюрприз.

– Все, Борь, мне пора, – заторопилась она, загоревшись идеей, видимо давно вынашиваемой в глубоком подсознании и теперь окончательно сформировавшейся.

– Чего так сразу? – огорчился Боря.

– Ну, есть кое-какие дела.

– Хочешь, составлю компанию?

– Не стоит. Мне еще нужно к Дашке забежать.

– Секреты девичьи?

– Угадал. – Варя не стала вдаваться в подробности. – Увидимся вечером?

– Это само собой.

Мы были оба: я у аптеки,

А я в кино искала вас.

Так, значит, завтра

На том же месте в тот же час, —

пропел Боря, провожая ее до двери.

Фальшивил он безбожно, потому что музыкального слуха у него практически не было, зато Боря обладал привлекательной внешностью. Во всяком случае, так Варе казалось. Высокого роста, худощавый, но крепкий, с узким лицом, на котором выделялись резко очерченные тонкие губы. Он очень напоминал Дилона Маккея, героя американского молодежного сериала, у которого тоже был непростой характер. И с которым иногда приходилось очень нелегко.

2

– Боря, у тебя все в порядке?

– У меня все в полном порядке. Я здоров, молод и весел.

– Я серьезно спрашиваю, – обидчиво вздохнула Людмила Романовна.

– А я серьезно отвечаю. Мам, мне пора, Варька ждет, – сказал Борька, прихватил мобильник, засунул бумажник в куртку и вышел на улицу.

Он был не совсем искренен с матерью и сам это понимал. Вот чего он никак не мог понять, так это почему у него в последние дни такое рваное настроение. То все нормально, а то хандра девятым валом накатывает. День рождения и тот не в радость. Где здесь собака зарыта? Явно не дома. Сегодня утром родители первые его поздравили. Бутылку заграничного шампанского открыли, затем подарок преподнесли. Снегоход. Классная штукавина со всякими там наворотами! В классе такой игрушки ни у кого нет, да и в школе, пожалуй, тоже. Отец еще пошутил: готовь, мол, сани летом, а телегу зимой, и добавил, подмигнув: «Будешь на нем свою Варю укатывать». Дальше еще интереснее получилось. Батя помялся, что было совсем для него несвойственно, и спросил:

– Сын, может, у тебя есть ко мне какие-нибудь вопросы, ну, на тему... – Он выразительно посмотрел на него.

– Любви и дружбы? – пришел на помощь Борька.

Сопоставить факты было плевым делом. Снегоход – Варя – мать, заявившаяся в комнату без стука в начале этой недели. Позабыл, что у матери на эту тему «пунктик». И главное, Борька только успел похвастаться Варей, что у него насчет личной территории все схвачено. К тому же вспомнилась реклама, где отец с сыном о пестиках и тычинках беседует на примере сока «Моя семья».

– Ну да, – кивнул отец, довольный тем, что сын оказался таким понятливым.

Борька решил отделаться малой кровью:

– Бать, да у нас вроде бы был разговор на эту тему в позапрошлом году. С тех пор что-нибудь изменилось?

– Ты вырос, парень.

Против фактов не попрешь. Тут требуется серьезный ответ:

– Слушай, пап, это не то, что вы с матерью подумали.

– Да? – приподнял лохматые брови отец. – А матери показалось то самое. – Борька скривился, отец заметил. – Ты пойми, я не собираюсь читать тебе нотации. Просто хочу, чтобы ты уяснил одну вещь: секс – это не игра. В жизни все серьезно. И чувства – область особенная. С ними нельзя поступать безответственно. Особенно мужчине. Ты это понимаешь?

– Понимаю.

– Хорошо. И что мне матери сказать?

– Ну, скажи, что я обещаю ей, что буду вести себя осмотрительно и не порадуя ее ранними внуками.

– Это хорошо. Что-то еще?

– Ты что, пап? – усмехнулся Борька. – Сам же учил меня не трепаться без надобности.

Вот такой вот у них с отцом состоялся мужской разговор. На Борьку он произвел двойственное впечатление. С одной стороны, он понимал, что отец хочет этим сказать, но, с другой стороны, зачем постулатами по ушам ездить, если ты сам им не следуешь? Отношения у них в семье были не то чтобы странные, скорее прохладные. Собственная строительная фирма отнимала у отца уйму времени, кроме того, он никогда не делал секрета из того, что у него есть личная жизнь вне стен этого дома. Иногда Боре казалось, что между матерью и отцом существует договоренность насчет их брака. Отец обеспечивает материальное семейное бла-

гополучие, а мать за это закрывает глаза на его интрижки. Боря давно уже свыкся с подобным положением вещей. Но как бы там ни было, родителей он по-своему любил. И с отцом был даже ближе, чем с матерью. С ней у Борьки постоянно возникали какие-нибудь трения.

А может, все в этом мире устроено так, что любая человеческая жизнь состоит из противоречий и компромиссов? Борька еще размышлял над этим философским вопросом, когда с поздравлениями позвонил Колька Ежов.

– Ну, желаю тебе, чтобы у тебя все было и за это тебе ничего не было. – Колькино поздравление не отличалось оригинальностью, но Борьке было приятно, что старый друг его не забыл.

Они учились вместе до девятого класса, потом Колька ушел в колледж, раньше он назывался ПТУ. Жилось ему не так чтобы жирно, мать одна растила, вот он и решил пораньше специальностью обзавестись, чтобы самостоятельно стоять на ногах. И профессию выбрал нехилую – автослесарь: тачек сейчас в столице пруд пруди. Словом, будет что на кусок хлеба намазать.

– Колян, давай гребни ко мне, посидим, за жизнь поговорим, – предложил Борька, чувствуя, как поднимается настроение.

– И рад бы, да не могу. Я тебе из российской глубинки звоню. У матери отпуск, вот мы с ней к тетке в деревню и подались. Подарки уже получаешь? – поинтересовался Колька.

– Есть такое дело. Родичи санки самоходные подарили.

– Фью-ю-ть, – уважительно присвистнул Ежов. – Круто! Дашь прокатиться?

– Не вопрос, – согласился Борька.

– Вот что значит настоящий верный друган. Я тебе тоже подарочек припас. Экологически чистый, к пиву. Но это когда вернусь.

– Заметано.

– Как собираешься отмечать?

– Да, в общем, никак.

– Знакомая картина. Хочешь, приезжай ко мне. Тетка возражать не будет, она у меня мировая. Спать станем на сеновале, молочко парное попьем, на танцы в клуб сходим. Экзотика.

– Экзотика, – согласился Борька, – но у меня здесь, как у Гамлета, есть магнит поприyatательнее.

– Значит, лямур-тужур с Варварой?

– Вроде бы.

Друзья помолчали. Борька догадался, какой вопрос Колян сейчас задаст:

– Слышь, а что о Юльке знаешь?

– В Москве пока, – отозвался Борька. – Кажется, в одиночестве, ну, в смысле... ты понял...

– Ага, только это ничего не меняет, она меня не простит. У нее характер.

Колька дружил с Юлькой Туполевой с седьмого класса. Можно сказать, что у них была любовь, которой не страшны никакие испытания, раз уж отличница и староста связалась с отпетым троечником и мастером на всякие каверзы. И вдруг в ПТУ Ежов познакомился с разбитной девчонкой, которая вскружила ему голову. Когда Колька от этого завихрения избавился, было уже поздно. Юлька его не простила. Но в эту историю мало кто был посвящен. Разве что Юлькина подруга-сестра Маринка. Но и то держала рот на замке.

– Ты тоже у нас пацан боевой, в общем, захочешь – прорвешься, – все же поддержал Борька друга.

– Может, и так, – помедлив, согласился Колька и сменил тему: – А кто из наших еще в Москве?

– Да много вроде. Видел тут на днях Туську Крылову с Лизкой. У Туськи съемки в сериале молодежном, так что ее Турция или Кипр откладывается. Кукушкина то на даче болтается, то

на студии на пару со своим Кириллом. У них еще та компания подобралась. Светку Красовскую помнишь?

– Кто ж ее не помнит? Краса и гордость девятого «Б».

– Вот. Так и гуляют: Лизка со своим Кирюшей и Светка с его двойником – Марком. Прикольно смотреть на этих близнецов. Парней вроде двое, а лицо – одно. Алиска здесь Залетаева, – перечислял Борька, вспоминая тех, кто попадался на глаза. – Мы в кинотеатре столкнулись. Она со Светкой Калининой была, а мы вчетвером – я с Варькой и Дашка с Серегой. Поздоровались и разошлись.

– Алиска все никак успокоиться не может, что Серега ее на Дашку променял, – усмехнулся в трубку Колька.

– Ну, ясен пень! Девица она заметная, теперь вот вроде бы с парнем каким-то встречается, а все равно на Белого клыки точит. Но ему это по барабану.

Вот здесь Борька был рад за друга. Алиска, конечно, девчонка смазливая, но пустышка. Привыкла хвостом перед парнями вертеть. И Белый правильно сделал, что порвал с ней. Может, и Дашка Свиридова в этом свою роль сыграла. И еще, пожалуй, химия. И не только та, что возникает между парнем и девчонкой, а самая что ни на есть настоящая. Белый тогда был на грани вылета из школы из-за химии. Ну не ладил он с этим сложным предметом, а еще больше не ладил с завучем Дондурей Раисой Андреевной, которая эту химию преподавала. Вот Дашка и взялась подтянуть Сережку. У нее таблица Менделеева и формулы распада и соединений прямо от зубов отскакивали. Она в медицинский собиралась поступать, а без пятерки по химии туда соваться нечего. Ее выбор был понятен. Дашку ведь отец один вырастил, мать при родах умерла. Вот Дашка и решила стать врачом. В общем, занимался Белый с Дашкой, занимался и дозанимался до того, что влюбился в нее. А Дашка была влюблена в Белого уже давно, целый год. Это Варя потом уже по секрету Борьке сказала. Просто Даша старалась не показывать своих чувств, потому что Алиска была ее подружкой, они за одной партой сидели. Ну а когда заварилась эта каша, Алиска Дашку с парты выперла, заявив во всеуслышание: «Парней кругом пруд пруди, а она на моего позарилась!»

Некоторые в классе заняли ее сторону, начали сочувствовать, но большинство переживало за Дашку. Тут на помощь пришла Варя, предложив Дашке сесть за ее парту. Затем одноклассницы отправились к Вариной двоюродной сестре Наталье, которая работала дамским мастером, и та сделала Дашке классную стрижку. После этого, разумеется, девчонки быстро нашли общий язык и подружились так, что теперь их водой не разольешь. Ну а поскольку Борька с Белым тоже нашли общий язык после пресловутого бойкота Клаве, парочки теперь часто устраивали двойные свидания. То Борька с Варей что-нибудь придумают, то Серега с Дашкой их куда-нибудь пригласят.

Говорят, что мысли материальны. Так это или нет, Борька особо не задумывался, но на этот раз это утверждение оправдало себя. Не успел Борька распрощаться с Колькой, как позвонил Белый. Сергей принялся поздравлять Шустова от себя и от Дашки, правда, как-то чересчур быстро: мол, очень занят. Позже поговорим, а пока прими наилучшие пожелания. И пока.

Был еще один звонок – от Юрки Метелкина. От него Борькино настроение слегка упало. Юрка оказался из тех, «кто не друг и не враг, а так...». От их былой дружбы давно уже одно название осталось. И только потом, после Юрки, позвонила Варя.

– Я тебе звоню, звоню, а у тебя все занято и занято, – запыхавшимся голосом проговорила она.

Боря почувствовал, что улыбается, а это значит, что шкала настроения вновь выравнивается.

– Да это мужики звонили, поздравляли, – сообщил он довольным басом.

– Я тебя тоже поздравляю, Борь. Но пока только устно. Увидимся, как договорились, в семь на нашем месте.

– И все?

– А что? – В голосе Вари появились настороженные нотки.

– А поцелуй имениннику? – фальшиво возмутился Боря.

– Потерпи до вечера, – рассмеялась она.

Борьке ее смех всегда нравился. Было в нем что-то такое, что хватало за душу. Но больше всего ему нравились Варькины глаза. Чуть вытянутые к вискам, глубокие и выразительные, они придавали ей сходство с восточной принцессой. И цвет у них был необычный, не светло-карие, и не светло-серые, и не дымчатые... Им было трудно подобрать точное определение, но однажды Борька его нашел. Цвет ее глаз был похож на чайную розу. Откуда пришло это поэтическое сравнение, он понятия не имел, его никогда нельзя было назвать лириком, напротив, он был отпетым прагматиком и даже немножко циником, не в пример Варваре. Вот уж кто родился мечтательницей и фантазеркой, так это она. Варя верила в волшебство. Верила, что если на Рождество звонит колокольчик, значит, ангел получил свои новые крылышки. Верила, что вечная любовь существует, именно такая, о какой пишут в романтических книжках. Верила, что Гарри Поттер и Джинни поженятся и будут жить долго и счастливо, а Люпин и Снейп станут вечными друзьями. В Интернете на форуме она отстаивала именно эти позиции. Фильмы предпочитала смотреть из серии «кино не для всех». И даже Борьку к этому приучила. С ней было просто и в то же время сложно, но он был рад, что сегодня у него свидание именно с ней, а не с какой-нибудь другой девчонкой. В общем, хочешь не хочешь, а приходится признать, что Варька уверенно завоевала плацдарм в его сердце.

Боря заметил свою подружку еще издалека. И хотя фигурка у нее была хрупкая, она почему-то всегда выделялась в толпе. Или это Борин взгляд легко отыскивал ее среди сотни людей? Он поспешил к ней навстречу, отмечая про себя, что Варя сегодня выглядит как-то необычно. Нарядная, понял Боря. Туфли на каблучках, платье пестренькое без рукавов, в меру короткое, но такое, что можно рассмотреть стройные ноги. Почему-то вспомнилось их первое свидание, на которое Боря пригласил Варю. Тогда она бежала к нему по этим ступенькам с радостным ожиданием на взволнованном личике. Она уже тогда была влюблена в него, а он смотрел на нее и думал: «И зачем ты мне нужна? Мы же с тобой совсем разные...» А вон как все вышло. Почти год уже встречаются...

Варя, почувствовав его взгляд, заулыбалась и стала спускаться по лестнице. Они встретились на половине пути, на ступеньках и, не сговариваясь, поцеловались.

– Поздравляю, – еще раз сказала Варя.

– Спасибо, – ответил Борька, удивившись про себя такому короткому поздравлению, и поинтересовался: – Ну, чем займемся? Может, в киношку сходим или в парке погуляем, а потом в кафешке где-нибудь посидим? – Он открыто любовался ее изящной пушистой головкой.

Волосы Вари всегда выглядели естественно. Вот и сегодня они обрамляли лицо мягкими темными волнами, слегка завиваясь на концах, будто кто-то пропустил их сквозь пальцы.

– Отличное предложение, только давай сначала ко мне зайдем. Ладно? – сказала Варя, избегая смотреть на Борю.

– Да ради бога, – согласился он, приобнял Варю за плечо, и они отправились в сторону ее дома, благо идти было не больше десяти минут.

«Наверное, Варюха в спешке забыла мой подарок», – подумал Борька с налетом привычной иронии.

Это, конечно, было из разряда невероятного, но иного, более вразумительного предположения ему в голову не пришло.

3

Борьке нравилось бывать у Вари. Квартира у Дробышевых была трехкомнатная в обычной девятиэтажке, но внутри все отличалось от стандартного интерьера. В нишах стен висели картины и иконы. Прикольно смотрелся торшер, сделанный из болванки для костюма, такие в ателье стоят. Верх вроде фигура, а ниже талии – палка. К этой фигуре Варина мама приделала декольтированное платье: юбка многослойная, но прозрачная, именно через нее пробивается свет, а еще на шею этой красавицы было надето светящееся кольцо. В общем, в каждом предмете этого дома сказывалась профессия и наклонности Вариных родителей. Анатолий Семенович был искусствоведом с именем, а мама Екатерина Андреевна работала в Большом театре костюмером. Вот в такой вот творческой семье родилась Варвара. В последнее время Боря был здесь частым гостем. Принимали его хорошо, словом, не было причин отказываться от приглашения заходить на огонек.

– Твои-то дома? – спросил Боря, когда Варя начала возиться с ключами.

– Нет, они на выставку приглашены. Вернутся часам к двенадцати.

Ну, тут у Борьки винтики заработали в нужном направлении. Может, это и есть ее подарок? И только он настроился поменять планы на вечер, посидеть дома в тихой, уютной обстановке со всеми положенными имениннику преимуществами, как в коридоре зажегся свет и дружный хор голосов завопил:

– Сюрприз!

Сказать, что Борька изумился, было все равно что сравнить легкий шторм с цунами.

На него, улыбаясь, смотрели Белый с Дашей, Туська Крылова с Толиком Агаповым, Лизка Кукушкина со своим Кириллом, Юлька и Маринка, Неделя, в смысле Неделькин Вовка, Виталик Комаров, по кличке Комар, Вадик Ольховский и Васек, в смысле Василиса Останченко. Присутствовали все его одноклассники, ну почти все. И все здесь. У Вари в квартире. И это, разумеется, благодаря ее стараниям. Борьку словно обухом по голове огрели. Наверное, поэтому не придумал ничего лучше, как сказать с дурацкой улыбкой на пол-лица:

– Что это вы здесь делаете?

– Тебе же исполнилось шестнадцать, – задорно отозвалась Лиза Кукушкина. – Мы не могли это событие пропустить.

– Ну, как себя чувствует именинник? – хитро поинтересовался Белый.

– Вот так сюрприз – вся банда в сборе, – пришел в себя Борька, покачав головой.

Он посмотрел в искрящиеся радостью и лукавством Варины глаза и ощутил, как кровь побежала по венам, согревая то, что мы называем душой. Вслед за душой ожил желудок. Борька почувствовал восхитительные запахи.

– Что, и ужин будет? – потянул он носом.

– Обязательно. С шампанским. Но позже, – заверила Варя. – А теперь принимай подарки.

– Наш с Дашкой с красной ленточкой, – сказал Белый.

– Намек понял, – откликнулся Борька и принялся разворачивать подарок, завязанный красной ленточкой.

Любопытно, что там? Оказалась еще одна красочная обертка с еще одной красной ленточкой. Из одной оберточной упаковки под шумный гогот Борька переползал в другую, а кончилось это все тем, что у него в руках, в качестве приложения к ленточкам и вороху бумаги, остался... лотерейный билет, на котором было написано: «У нас все по-честному! В каждом билете машина!»

– Ну, ребсы, вы даете, предков моих переплюнули, – хмыкнул довольный Борька. И в самом деле прикольно с билетом получилось, заодно и о снегоходе можно упомянуть. – А если я и правда машину выиграю, что делать будем?

– Не дергайся. Распилим, – с ходу предложил Белый.

– Мне, чур, колеса и руль. С детства мечтала порулить, – шутливо сказала Даша.

– Нет, – предложил практичный Комар, – вы ее лучше продайте, а доллары поделите.

– А почему доллары, а не рубли? – усмехнулся Лизкин Кирилл.

– Рубль, он, конечно, великий, но доллар привлекательнее, – откликнулся Виталик и напомнил Боре: – Ты не отвлекайся, именинник, давай подарки смотри.

Подарки произвели на Борьку неизгладимое впечатление. Игрушечному парашютику, презенту Недели, он обрадовался едва ли не больше, чем снегоходу. Еще бы! Со снегоходом у него еще не было связано никаких воспоминаний, а сувенир напомнил о том дне, когда он, Белый, Скрипач и Неделя отправились в Парк Горького прыгать с вышки. Такой кайф поймали! Мало не покажется! Борьке сразу захотелось это мероприятие повторить.

– Как насчет того, чтобы посетить этот аттракцион еще раз? – предложил он Сереге, запуская парашют.

– Нет проблем.

– Заметано, – усмехнулся Борька и, улучив момент, поинтересовался: – Ты мне лучше скажи, как это тебе удалось держать язык за зубами столько дней?

– Было трудно, но я с этим справился. Всякий раз, когда меня начинали мучить приступы мужской солидарности, я напоминал себе о преимуществах этой сделки. – Белый выразительно посмотрел на Дашку.

Собственно, Боре и без того было ясно, что Белого девчонки взяли в оборот. Варька, наверное, пригрозила, чтобы он до поры до времени держал рот на замке, ну а Дашка, надо полагать, нашла более щадящие методы воздействия. Борька на друга не обижался, будь он на его месте, так же бы поступил. На то он и сюрприз!

А сюрпризов в этот вечер было много. Стол полностью соответствовал выражению «пир горой!». Боря сел рядом с Варей во главе стола. Парни взялись откручивать пробки шампанского, а Боря почему-то засмотрелся на букет синих ирисов и желтых лилий. Захотелось сказать Варе что-нибудь приятное. Боря наклонился к ее уху и прошептал:

– У тебя, Варюха, настоящий дар.

– Какой? – Она обернулась к нему, держа в руке ложку для салата.

– Делать все красивым.

Варя смущенно улыбнулась, чудесно при этом порозовев. Теперь у Борьки появилось законное желание поцеловать свою подружку, но слово взял Вадик Ольховский. Он постучал по фужеру вилкой и сказал:

– А теперь минутку внимания.

– Вадик, ты собираешься сказать тост? – уточнил Борька, озабоченно сдвинув брови.

– Да, я заготовил торжественную речь, но для твоего же блага буду краток: мы все любим тебя, старик. С днем рождения.

– Спасибо, – облегченно выдохнул Борька: выступление действительно оказалось кратким и, главное, вразумительным. – Я знаю, что на составление этой речи ты потратил много времени, и я очень это ценю, – продолжил он вполне серьезно, но не выдержал и нетерпеливо прикрикнул на парней: – Да наливайте уже, черти!

В воздух, как по команде, взлетели пробки от шампанского. Бокалы наполнились пенистым напитком. Что ж, шестнадцать лет – грех не отметить, тем более в такой компании!

Время за столом не текло, а бежало. Все перебивали друг друга тостами, шутками, смехом, воспоминаниями, короче, царила обычная праздничная атмосфера. И вдруг Юлька Туполева крикнула:

– А сейчас будем кино крутить!

– Какое еще кино? – удивился Борька.

– Очень даже хорошее кино, – загадочно отозвалась Лиза Кукушкина.

Неделя тем временем, как фокусник из шляпы, вытащил кассету, вставил ее в видеокассету, щелкнул выключателем, и комната погрузилась в темноту. Варя, держа Борю за руку, объявила торжественным голосом, как диктор на концерте:

– Посвящается Борису Шустову.

– Начало мне нравится, – одобрил Борька барским тоном, полностью войдя в роль именинника.

Первые кадры вызвали у Борьки бурную реакцию. Ну и какому из родителей, спрашивается, пришлось в голову снимать на пленку новогодний праздник в первом классе, где Боря был наряжен в костюм зайчика?

– Борьк, а ушки тебе идут, – прорвался сквозь общий смех голос Василисы.

– Хорошо, не рога, – проворчал Борька себе под нос и сам расхохотался.

Смотреть на то, как он скачет вокруг елки в мешке, стараясь догнать стриженную под мальчишку «снежинку» Светку Калининну с серебристым ободком на голове, было невозможно... приятно.

Кадры замелькали. Третий класс, пятый... шестой... седьмой...

На экране появились Борька, Аня Малышева и Ваня Волков. Восьмой класс. Парни тогда сцепились за право первенства в классе. Если Ванька говорил «черное», Борька сразу отвечал: «белое». Вот и сейчас на экране они спорили, как лучше развесить елочные гирлянды.

«А я тебе говорю, пусти рядами».

«Ну а мне больше в хаотическом беспорядке нравится».

«У меня есть право голоса?» – спросила Аня, пытаясь сбить накал страстей.

«Нет!» – хором рявкнули парни.

Общий смех в комнате был реакцией на проявление мужского шовинизма.

– Ну хоть в чем-то договорились, – прокомментировала Марина.

– Это точно. – Борька смеялся вместе со всеми.

Господи, как давно это было! И какие они смешные, у него вон еще прыщики на лице подростковые. Причина его тогдашних разочарований.

Потом было еще много нарезанных кадров из их общего с классом прошлого. Получился целый фильм. Все хохотали до упаду, а к концу ленты приняли решение дополнить ее материалом, доработать и прокрутить на каком-нибудь празднике учителям. Не всем, конечно, а избранным. Таким, как Ирочка Борисовна, их новый классный руководитель, Кахоберу Ивановичу – это обязательно, он ведь и поныне был для них самый-самый, ну и Лапушку пригласят на просмотр. Осенью он десятому «Б» такой пейнтбол устроил, закачаешься! Настоящее сражение! К тому же у него страстный роман с Ирочкой Борисовной.

– Жалко, что мы тогда не смогли поучаствовать в пейнтболе, – сказала вдруг Варя.

Борька только кивнул. Он понятия не имел, как она прочитала его мысли, но такое в последнее время случалось довольно часто. Осенью как раз с переломом ноги маялся, а Варька отказалась от этого великого приключения исключительно из-за солидарности с ним.

А потом были танцы и торт с шестнадцатью свечками и еще одной наудачу. Борька их все разом задул, без всяких там глупых загадываний желаний. Он верил только в себя и свои возможности. Хотя считал, что традиции есть традиции и не ему их нарушать.

Где-то около одиннадцати Белый, взглянув на часы, заметил:

– Не хочу нарушать законы гостеприимства, но, по-моему, нам пора закругляться.

– Верно, – поддержал Виталик Комаров, он всегда вторил Сереге. – Дружно топаем на выход!

– Секундочку, снимок на память, – вовремя напомнил Толик Агапов.

Он всех построил, навел объектив и, дождавшись, когда они прекратят дурачиться и ставить друг другу рожки, щелкнул пару раз своим цифровиком. После чего Туся взяла его под руку и попрощалась за всех:

– Счастливо оставаться.

– И вам счастливо, – улыбнулся довольный Борька.

Проводив гостей и расставив стулья по местам, он отправился на кухню. Девчонки Варя помогли, практически все было убрано. Она стояла к нему спиной и вытирала фужеры. Такая стройная, такая хрупкая... в красивом платье. «Золушка бы и та, наверное, гордилась таким туалетом», – подумал вдруг с нежностью Борька и обнял Варю сзади.

– Платье у тебя просто закачаешься, – прошептал он ей на ушко.

– Держи себя в руках, именинник, – строго сказала Варя, обернувшись.

Строгость ее была показной, потому что на губах, подкрашенных розовой помадой, играла лукавая улыбка, которая очень ее украшала. Борька наконец-то сделал то, что хотел сделать весь вечер, – поцеловал эти губы долго и обстоятельно. А когда поцелуй прервался, Варя чуть смущенно проговорила:

– Мне хотелось сделать тебе особенный подарок. – И столько любви было в ее глазах цвета чайной розы, что у Борьки перехватило дыхание.

– У меня уже есть особенный подарок, – сказал он, притянул к себе ее голову и потерся подбородком о макушку, пахнущую цветами и еще чем-то вкусным и сладким. И вдруг неожиданно для себя признался: – Ты просто чудо. Ты это знаешь?

– Да, знаю. – Варя выскользнула из его объятий. – Подожди. Вот. – Она достала с полочки видеокассету.

– Что здесь? – Борька повертел ее в руках. – Еще одни воспоминания?

– Нет. Это мультик «Мадагаскар».

– Про зверей?

– Про дружбу. Завтра вечером посмотрим его вместе. Как тебе моя идея?

– Мне нравится. Но ты меня балуешь, – честно признался Борька.

Конечно, потом они целовались. Конечно, Борьке хотелось большего, в конце концов, он нормальный парень правильной ориентации, но Варя тонко улавливала момент, когда следовало остановиться, и он, как всегда, подчинился, потому что уважал желание своей девушки.

Впрочем, вечер на этом не закончился. Вернувшись домой, Борька набрал Варин номер. Контрольный звонок вошел у них в привычку, если они расставались позже одиннадцати. Варя волновалась за него, и Борьке, черт его знает почему, это было приятно. Вот когда мать пыталась так его контролировать, он вставал на дыбы. А здесь никаких отрицательных эмоций.

– Твои дома? – спросила Варя.

– Слиняли. Наверное, тоже мой день рождения отмечают в каком-нибудь ресторане. Для них это один из немногих общих праздников.

– А мои уже пришли. – Варя чутко обошла его едкое замечание. – Они тебя поздравляют.

– Скажи им спасибо.

– Уже. Борь, а тебе наша вечеринка понравилась?

Шустов не сдержал улыбку:

– С фейерверком вы, конечно, переборщили, а в остальном все было здорово.

Варя удовлетворенно рассмеялась:

– Ладно, до завтра.

– До завтра, – сказал Борька и только положил трубку на базу, сделав шаг в сторону ванной, как телефон затрезвонил снова.

«Варюха сегодня явно в ударе», – подумал он и игриво бросил в трубку:

– Кажется, кто-то что-то забыл?

Тишина и только треск на линии, а потом так... вдруг... этот голос из прошлого:

– Нет, Борь, я все помню. А ты?

– Алена!

– Я. С днем рождения тебя, именинник.

Борька будто удар в солнечное сплетение получил. Перед глазами огненной вспышкой промелькнуло ее не улыбочное лицо. Яркие голубые глаза с грустинкой, длинные светлые волосы, в которых путались солнечные блики.

– Я тебе, между прочим, целый вечер звоню. А у вас никто трубку не берет. Вот решила последний раз набрать, в Москве ведь поздно уже, – сказала Алена, но ее голос с трудом пробивался в Борькино сознание.

«Собери сопли, парень! – прикрикнул он на себя. – Ну позвонила, ну поздравила. Это правильно. Ничего в этом такого нет».

– Да тут такое дело... Я с ребятами отмечал, с нашими ребятами, ну... то есть с классом, а родителей нет, слиняли куда-то. – Борька прокашлялся, чтобы голос звучал поувереннее. – Знаешь, я рад, что ты дозвонилась, Лен. Так здорово услышать тебя, и вообще... Спасибо, что поздравила. – Он ощутил, что сосущее под ложечкой чувство отпускает. Похоже, начал приходить в себя. Уже хорошо. – Ну рассказывай, как ты там живешь в своем Ново-Алтайске? Как Ксения Матвеевна, Катька, отец? – Борька забросал ее вопросами.

– Да все в порядке. Бабушка чувствует себя хорошо, у нее даже давление нормализовалось. Воздух здесь чистый, прямо прозрачный по утрам, и вода без всякой хлорки. Одним словом, целебная. Катька растет, у нее здесь много подружек, но она по Москве скучает. Правда, сейчас она в лагере отдыхает в Болгарии, на Золотых Песках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.